

Д. Н. Нефедова

Образ Другого в искусстве: к вопросу о формировании национально-культурной идентичности

УДК 009+7.011.3

В статье анализируется роль образа Другого в современном искусстве (в частности, в его визуально-динамических формах) с точки зрения участия в процессе формирования национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: Другой, Чужой, национально-культурная идентичность, искусство.

D. N. Nefedova. The image of the other in art: to the question about the formation of national and cultural identity

The article briefly examines the role of the image of the Other in contemporary art (particularly in its visual and dynamic forms) in terms of participation in the formation of national and cultural identity.

Keywords: Another, Alien, national and cultural identity, art.

Одной из глобальных проблем современности является вопрос формирования, утверждения и сохранения идентичности. В условиях быстро меняющейся реальности происходит умножение идентичностей, а также смещение приоритетов в данной сфере. Индивид все чаще ассоциирует себя больше с социальной ролью либо профессией, чем с конфессиональной или национальной общностью. В этой ситуации проблема изучения национально-культурной идентичности начинает требовать особого внимания.

Исследованием идентичности в целом и отдельных ее форм занимаются многие науки: социология, этнология, психология, культурология. Каждая из них выработала свои разноплановые взгляды и концепции. Большинство теорий идентичности, напрямую связанных с науками о культуре, рассматривают процесс идентификации личности в сопоставлении с присутствующим Другим. В его

качестве может выступать как индивид, так и группа. Роль и ценность Другого в процессе самоидентификации состоит в наиболее явном проявлении тождества или различия в сравнении с объектом идентификации: «Я – подобен» или «Я – отличен». Идентичность рассматривается как результат определения субъекта. Прежде всего имеется в виду его приверженность некоей системе ценностей, когда социальная функция и сущность и вместе с тем самоощущение, полноценность немыслимы без осознания субъектом существования Другого. Как результат – самоидентификация – признание субъектом своей тождественности с Другим (или своего отличия) по совокупности признаков, иначе – «обретение человеком своего места в обществе, представление индивида о самом себе» [2, с. 39].

Категория «дружости» получила широкое распространение как в отечественной, так и в зарубежной исследовательской литературе. Для полноценного функционирования и развития культуры народа нужны как внутренние контакты, так и внешние, обусловленные необходимостью творческого взаимодействия с миром иных культур. «Драма любой культуры», как отмечает А. Панарин, заключается в резком ослаблении статуса Другого в мире – того, кто выступает источником альтернативного знания. В истории цивилизаций расцвет многих культур связан именно с их умением учиться, с интересом к заимствованиям и с творческим переосмыслением достижений Других при условии сохранения своей автономности [1, с. 41]. Е.Н. Шапинская рассматривает проблему Другого с точки зрения бинарной оппозиции «свой – чужой», однако отмечает, что Другой в отличие от Чужого внушает меньше неприязни и противоречий. Автор изучает различные стороны феномена «дружости» (психологические, социальные, этнические) и приходит к выводу о диалогической, коммуникативной сути идентификации через взаимодействие с Другим [5, с. 18].

Не отрицает данную концепцию и известный политолог и социолог С. Хантингтон. Он отмечает, что идентичность на любом уровне – личности, племени, расы, цивилизации – можно определить только через отношение к Другим: другому человеку, племени, расе, цивилизации. Взаимоотношения между странами или иными общностями людей одной и той же цивилизации отличаются

от взаимоотношений между странами или общностями из разных цивилизаций [4, с. 190–191]. Это утверждение верно и для менее масштабных видов общностей.

Однако именно национально-культурная идентичность с присущими ей взлетами и падениями активности наиболее явно связана с взаимоотношениями «своих» и «чужих». С. Хантингтоном данный вопрос подробно рассмотрен на примере американского сообщества [3]. Автор отмечает, что наивысшие подъемы патриотизма, национального единения и национальной идентичности происходят только при взаимодействии с культурой или деятельностью Другого. Чаще всего это происходит при появлении в лице Другого врага, общего для всей нации. Идею необходимости наличия (или даже искусственного создания) такого врага постулирует и У. Эко [7]. Однако и мирные, но интенсивные контакты могут побудить к объединению. Как отмечает Е.Н. Шапинская, «проблемы «различия» маргинальных культур и меньшинств концептуализируются в современной науке в терминах фикциональности, фрагментации, коллажа и эклектизма, проникнутых ощущением неустойчивости и хаоса» [6, с. 84]. Человек, сталкиваясь с тем или иным кардинальным отличием, особенно если оно касается превалирующего большинства индивидов, начинает ощущать собственную отстраненность, ущемленность и как результат – отсутствие уверенности в будущем своей культуры и своего сообщества. Рождается отмеченный А. Тойнби вызов, который влечет за собой ту или иную реакцию. Однако процессы глобализации наложили свой отпечаток на выбор реакции индивида или группы в ситуации столкновения с Другим. И хотя этот вопрос требует отдельного углубленного изучения, необходимо отметить, что реакции эти могут варьироваться от мирного сосуществования до попытки замены «своих» ценностей «другими» или агрессивного противодействия.

Отдельного рассмотрения заслуживает феномен «другости» (именно с точки зрения включения соответствующих образов) в искусстве. Как одна из форм культурной реальности, искусство оказывает огромное влияние на формирование суждений и мировоззрений масс. Следовательно, не остается без внимания и необходи-

мость создания устойчивых идентичностей (в том числе национально-культурных), что особенно актуально в переломные эпохи или периоды, отличающиеся непостоянством и повышенным многообразием ориентиров. В такие периоды во власти искусства оказывается создание направляющих (или отталкивающих) образов, позволяющих переместить мысль зрителя (слушателя, читателя) в нужное русло. Другой в данной ситуации является едва ли не самым наглядным примером, противопоставляемым не только главному герою произведения, но и самому воспринимающему лицу.

Образ Другого, как правило, отличается рядом характеристик, рознящих его с «основным» воспринимающим субъектом. Так, мы распознаем в объекте нашего внимания Другого, если его манера поведения, внешность, речь или взгляды на окружающий мир отличаются от наших. По аналогичным принципам происходит и создание образа Другого в искусстве. Такие образы чаще всего противопоставляются главным героям, которые должны восприниматься зрителем как «свои» (с целью вызова более активного сопереживания происходящему) и могут оказаться несколько гипертрофированы: мировоззрение кардинально отличается от взглядов основного персонажа, форма одежды совершенно не похожа (будь то отражение разницы в культурах или в сословиях и социальных ролях), само поведение персонажа вызывает у зрителя (читателя, слушателя) недоумение. Из числа соответствующих данным характеристикам жанров однозначно следует исключить антиутопии и социальные драмы, где зачастую именно главный герой представляет собой Другого по отношению к большинству и именно на него направляются основное внимание и переживания зрителя. Однако для большинства других популярных жанров искусства (особенно его визуальных и динамичных видов, в частности кинематографа) сказанное в большинстве случаев верно. Таким образом, Другой дает необходимый противовес, «зеркало», в котором действия и поступки «своего» главного героя отражаются не только наиболее ярко, но и зачастую в гораздо более благоприятном свете. Подобное стремление акцентировать внимание на положительных «своего» может

привести к трансформации образа Другого в Чужого, а следовательно, приводит к созданию образа Врага.

Так, У. Эко, анализируя произведения искусства и литературные описания различных эпох с точки зрения наличия враждебного Чужого, утверждает, что такой персонаж, как правило, представляется уродливым, зловонным, безнравственным, «монструозным» существом [7, с. 15–20]. Стоит вспомнить и взгляд С. Хантингтона на образ Врага как необходимый фактор консолидации и создания ощущения собственной целостности, причем враг этот всегда Другой (другое государство, нация, конфессия и т.д.). Обращаясь к произведениям искусства, мы находим массу подтверждений обеим концепциям. Особенно четко указанные черты просматриваются в творениях массового кинематографа и популярной литературы: от мелодрам (борьба разных слоев общества друг с другом ради соединения влюбленных, противостояние «третьему» или враждебным обстоятельствам) до приключенческих боевиков и фантастических триллеров (где в сюжет могут вводиться противоборства целых держав и цивилизаций) мы можем видеть необходимость наличия Другого, причем враждебно настроенного (т.е., по сути, Чужого), способствующего «накалу страстей». Кроме того, подобный Чужой-враг чаще всего непривлекателен внешне, а если и красив, то этим лишь подчеркивается его хитрость и коварство, в то время как его «внутреннее уродство» проявляется вполне явно.

В последние десятилетия наметился отход от четкого разделения на положительное и отрицательное как черты Своего и Чужого соответственно. Характеры персонажей даже в самых массовых кинолентах крайне редко лишены полутонов. Все чаще отрицательный персонаж имеет хотя бы частично оправдывающие его поведенческие обстоятельства, а положительный герой не лишен недостатков. Искусство стремится приблизиться к современной реальности, где нет места как абсолютному благородству, так и полной беспринципности. Поскольку явная враждебность отходит на второй план, появляется возможность говорить и о процессе перехода Чужого в Другого, т.е. о процессе смягчения восприятия «другости», противоположном выше указанному утверждению «чуждости». Однако

роль Другого (или Чужого как его модификации) по-прежнему остается существенной при формировании противопоставления Себя Другим и Своего Чужому в сознании зрителя (читателя или режиссера слушателя).

Образ Другого позволяет с наибольшей четкостью увидеть черты Своего, а искусство служит выведению на первый план именно положительных черт. Примеряя на себя образ (чаще всего) главного героя, индивид формирует в сознании модель правильного поведения, видя при этом на примере Другого отрицательные стороны попыток перехода в иную реальность (культурную, ценностную, религиозную и т.д.). Главный герой (условный Свой) в произведении задает направление мыслям и эмоциям воспринимающего субъекта, но Другой удерживает и корректирует эту траекторию движения, предотвращая отклонения. Именно это позволяет облегчить соотнесение индивидом себя с той или иной культурой, нацией или иной общностью, т.е., по сути, способствует формированию идентичности. При этом следует отметить, что именно национально-культурная идентичность чаще других оказывается в поле интересов создателей произведений, поскольку, с одной стороны, постоянно находится под угрозой распада в результате влияния социальных, политических, культурных факторов (в отличие от профессиональной или даже религиозной идентичности, которая гораздо устойчивее), с другой стороны, отмечает принадлежность к масштабной общности, а соответственно, велик радиус воздействия и степень актуальности для широких масс зрителя.

Из вышеприведенного краткого обзора можно сделать вывод, что концепция Другого является одной из важнейших при рассмотрении проблем идентичности в современной культуре. Через образ Другого познается не только окружающая культурная среда, но и собственная ближайшая культурная реальность. Именно Другой дает возможность познать, раскрыть, проанализировать «свое», позволяя не только отличить его от «чужого», но и обогатить за счет опыта последнего. Что касается искусства, четкий образ Другого, а тем более Чужого, содержится далеко не во всех произведениях, но там, где он присутствует, преследует (помимо сугубо эстетических

и сюжетообразующих) вполне определенную цель – противопоставление культурных миров, а также формирование в сознании зрителя (читателя и т. д.) чувства отрешения от чужой культуры (а иногда и отвращения к ней) и возведение в приоритет своей. Следовательно, формируется представление о «правильной» культуре, побуждающее индивида соотносить себя именно с ней.

Таким образом, искусство посредством включения в сюжеты Другого способно оказывать воздействие на формирование мировоззрений личности и не в последнюю очередь на процесс становления ее национально-культурной идентичности. И хотя проблеме Другого в различных аспектах посвящено немало количество работ, данный феномен подвергнут постоянным изменениям в восприятии ввиду непостоянства культурных ситуаций, что по-прежнему оставляет данную тему актуальным полем исследования.

***

1. Гезалов А.А. Проблемы национальной идентичности в эпоху глобализации // Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации : сборник научных статей. М.: Проспект, 2014. С. 38–42.

2. Левин З.И. Восток: идентичность и глобализация. М.: Институт востоковедения РАН, 2007.

3. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008.

4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2003.

5. Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры. М., 2012.

6. Шапинская Е.Н. Проблема Другого в современной культуре и культурологии // Ориентиры. Вып. 3. М.: ИФРАН, 2006. С. 79–98.

7. Эко У. Сотвори себе врага // Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. М.: АСТ, Corpus, 2014. С. 11–38.